

В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Займов, Ст. Илчев.
Български етимологичен речник, св. IV
(глаголина—дарма). София, 1965.

Продолжающийся этимологический словарь болгарского языка неизменно обращает на себя внимание и в этом выпуске богатством диалектной лексики. Сведения о географии слов народного болгарского языка, основанные на самых больших существующих собраниях болгарской диалектной лексики, представляют в этом словаре самостоятельную ценность. Исключения составляют редкость; так, случаи с нераскрываемой пометой «диал.» — без указания диалекта и местности — вызваны иногда, видимо, не небрежностью авторов, а состоянием источника. Об этом трудно судить, потому что источники не приводятся, авторы и издания не упоминаются. В этом, как и в предыдущих выпусках, составители практически не дают никаких литературных сведений и вообще библиографии, что невольно снижает ценность этого бесспорно полезного издания. Равным образом отсутствует и этимологическая библиография. Данная черта в соединении с такой особенностью, как исключительная краткость (а местами — схематизм) этимологического анализа, придает отдельным пассажам настоящего выпуска скорее характер материалов для этимологического словаря. Так, в статье о болг. диал. *гид* 'красивый' приводятся соответствия по другим славянским языкам, но этимология практически отсутствует.

В сравнительно-историческом плане своеобразием данного словаря является трактовка истории праславянского вокализма в духе теории акад. В. Георгиева, ср. *ǣ* (краткое) и *ā* в праславянских реконструкциях при более распространенных символах *o*—*a* для соответствующих звуков. Это следует иметь в виду постоянно, ср., например, **glybakъ* и **vysakъ* на стр. 253, где мы, очевидно, имеем дело не с опечатками вместо обычных праслав. **glybokъ*, **vysokъ*. Из числа действительных опечаток можно указать русск. *грамбтный* (стр. 273), вм. *грамотный*. Несколько более регулярный характер носят опечатки и другие неточности в передаче и трактовке балтийского, в частности литовского, материала. Так, на стр. 246 приводится лит. *gladùs*, должно быть *glodùs*; на стр. 275—276 ошибочно приведено лит. *grašvà* вместо *garšvà*. Болг. *галея* 'нежить, ласкать, хохотать' непосредственно соотносить нужно с лит. *glèžti* 'слабеть, становиться вялым', а не с лит. *gleižus* 'слизистый' (стр. 248).

Из этимологических замечаний приведем некоторые. Форма *гньс* отражает носовой гласный как следствие вторичной назализации первоначально чистого гласного под воздействием предшествующего носового согласного (подобные примеры известны), и здесь едва ли имеет смысл говорить о «старом назальном инфиксе» (см. стр. 257). Семантически и словообразовательно спорна этимология диал. *годйш* 'баран, приносимый женихом в дар невесте' — из **godīštъ* 'годовалый', производного якобы от *год* (стр. 260). Суффикс *-itjo* (патронимический, деминутивный) здесь кажется неуместным, следовало бы прямо соотносить это *годйш* и болг. *годеж* 'помолвка'. Кажется странным помещение в одной статье слов *греш* 'марш!' и *грёмосам* 'убрать', причем и то и другое производится от н.-греч. *γρημίζω* 'разрушаю, ломаю' (стр. 278). Первое из них во всяком случае обнаруживает признаки аллегорной формы от *грёдам* (и т. п., см. выше, стр. 277), диал. 'иду', т. е. 'идем!' > 'марш!' Диал. *глобыйя* 'сорт яблوك', признаваемое на стр. 308 неясным, представляет собой как будто довольно прозрачный тюркизм персидского происхождения с первоначальным значением прилагательного от апеллатива 'розовая вода'.

К заслугам составителей словаря надо отнести внимательную трактовку местных оригинальных образований болгарской лексики, а также реликтов словаря, ср. диал. *гльв* 'глухой' (стр. 253), *грив* 'серый, пестрый' (стр. 280—281).

О. Н. Трубачев